

Хозяин раненой земли

Имя председателя райисполкома, спасавшего людей от радиации, увековечено в музее и памяти земляков

«Николай Федорович Максимов — председатель Краснопольского райисполкома. Ликвидатор последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Умер от лейкемии в 1992 году».

Эти строки, за которыми — история, судьба, жизнь, я прочла в музее краснопольской средней школы № 2. В апреле исполнилось 17 лет, как Максимова не стало. Однако земляки до сих пор помнят, как в далеком 1986-м, спасая людей от радиации, председатель райисполкома не жалел себя.

Председательский домик

— Как хорошо, что вы решили о нем написать, — растрогалась директор школы Стефания Овсяник. — Замечательный был человек: умный, принципиальный, работающий.

Стефания Степановна хорошо помнит лето 1986-го. Как выкорчевывали сирень в деревне Палуж, где радиация была больше 100 кюри, снимали и вывозили грязный грунт. Как под окном их частного дома выросли высоченные — до самой крыши — георгины. Помнит, как Максимов лично объезжал самые грязные деревни (их давно нет на карте — отселены, захоронены. — О.К.) и объяснял людям, что ни в коем случае нельзя пить коровье молоко. Отправлял детей в чистые районы, в оздоровительные лагеря. В числе эвакуированных была и маленькая дочь Стефании Степановны — Наташа.

По словам местных жителей, жил Максимов скромно. Приехав в райцентр в 1985 году, поселился в захудалом домике 1904 года постройки с «удобствами» во дворе. В нем пять лет, пока председательствовал, и прожил. Уже после его смерти вдова Ева Павловна, которую я разыскала в Могилеве, расскажет: «13-летний сын топил печь, 11-летняя дочь помогала таскать воду. Тяжело было, но мы справлялись. Я Коле только одно условие поставила: московских и минских ученых в хату не зови. Неловко, что районный руководитель в таких

условиях живет. Он отшучивался: «Хорошо мы живем, Ева, душа в душу».

«Председательский» домик мне показал в Краснополье пенсионер Михаил Науменко:

— Это теперь его кирпичом обложили, коммуникации подвели, а была деревянная развалюха. Только Николай Федорович на это внимания не обращал. Ему самому мало было надо, всего себя отдавал людям. Оттого и сгорел рано. А ведь мужик был — настоящий богатырь! И толковый. Такого председателя, как он, я больше не встречал, хотя на моей памяти их сменилось, наверное, 12. Максимов родом со Славгородчины, но к Краснополью относился с особой любовью. Работал так, будто собирался остаться здесь навсегда. После аварии все время колесил по району. Отдавал распоряжения, следил за их выполнением, лично участвовал в решении многих проблем. Надо было вывозить грязный грунт — сам запрягал лошадь. А сколько комиссий благодаря ему тут перебивало: из Минска, Москвы... Ученые, медики убеждали поначалу: «Ваши яблоки есть можно». Только сами ничего нашего не ели, со своим приезжали. Федорович же доказывал: Краснопольщина — грязный район. Убедил, что надо возить сюда чистое питание, что детям в зоне не место.

— Семьи переселял, чистые продукты, сено, удобрения привозил. Сам же и разгружать помогал, — вспоминает Александр Овсяник, в ту пору бывший заместителем Максимова. — Когда началась дезактивация, объезжал деревни. Знал каждый двор, где какая радиация. Везде успевал. Не спал ночами. И нам не давал.

Груз беды

После аварии на ЧАЭС дома мужа Ева Павловна почти не видела. Но все, что тогда происходило, помнит отчетливо:

— Шло торжественное собрание. Я сидела в зале, Коля — в президиуме. Ему принесли какую-то телеграмму, и он побледнел. Перечитал ее несколько раз. А дома сказал мне: «Все очень серьезно, Ева». Что такое радиация, мы, оба закончившие физмат, осознавали. Но о том, что в первые дни после аварии нужно было

хотя бы принимать йод, как-то не догадались. Да и не думал Коля о своем здоровье... Я отвечала за эвакуацию детсадовцев. Помню, как люди паковали вещи, провожали малышей. Слез не было, паники тоже — все были будто придавлены бедой...

Его собственные дети оставались в Краснополяе. Максимов говорил жене: «Что обо мне подумают, если своих увезу? Сначала надо чужих спасать!»

— Мы особо и не переживали. Ведь в самом райцентре радиация считалась почти нормальной — 5 кюри, — признается Ева Павловна. — Осенью 1986 года я вместе с другими работала в деревне Новоеल्या, где радиация достигала 400 кюри. Три дня убирала свеклу на совхозном поле. И как-то пожаловалась мужу, что постоянно чувствую горечь во рту.

Единственный раз, когда в район приехали онкологи из Минска, Максимов и воспользовался служебным положением. Повел жену на осмотр. Еву Павловну срочно отправили на операцию щитовидки...

Лишь одним человеком, о котором не думал Николай Федорович в те страшные дни, был он сам. По словам Евы Павловны, возвращаясь из зоны, вытряхивал старенький плащ, наскоро перекусывал — и снова отправлялся в путь.

Диагноз

Не прошло и четырех лет после аварии, как медики поставили Максиму страшный диагноз — острый лейкоз. Жене сказали: «Ваш муж не продержится и двух с половиной месяцев». Максимов продержался еще два с половиной года.

— Мучился ужасно, но на работу ходил, — смахивает слезу Ева Павловна. — Без нее он не представлял себе жизни. Когда становилось невмоготу, ложился в больницу. Уже не вспомню, сколько раз ему делали химиотерапию — пять, семь? После каждого он полгода ходил в шапочке. Потом его густая кудрявая шевелюра снова отрастала. Муж был сильным, волевым человеком, не мог допустить, чтобы его жалели. И сам ни о чем не жалел. Даже перед смертью и словом не обмолвился, что нужно было раньше уезжать из Краснополяя. Да он бы и не смог бросить людей, когда им так нужны были его помощь и поддержка.

Жители Краснополяя уверены: никто другой не сделал бы для них в те годы столько, сколько Николай Федорович. В Могилев на похороны 44-летнего председателя они ехали семьями. Прощались, словно с близким человеком...

После смерти мужа Ева Павловна даже не пыталась устроить личную жизнь. Потому что уверена: такого, как Николай, уже не встретит. Педагог со стажем, недавно она вышла на пенсию. Теперь возится с внуками. У дочери Татьяны — четырехлетний сын Валентин. У старшего сына, в честь отца названного Колей, подрастает дочь...

Кстати

После аварии на ЧАЭС в зоне радиоактивного загрязнения оказался весь Краснопольский район — территория площадью 1,2 тысячи квадратных километров, 174 населенных пункта. 23 из них были захоронены, жители 83 деревень отселены. До Чернобыля в районе проживало около 30 тысяч человек. Ныне осталось около 12 тысяч.

*Фото автора и из архива семьи
Максимовых.*

Автор публикации: Ольга КИСЛЯК

Источник: Сов. Белоруссия.-2009.-25 апр.-
С.7.